

На все звуки мастер

Куранты, — 1995. — 3 марта, — с. 12.

У него редкая профессия — звукоимитатор: не зря друзья называют Юрия Григорьева “человек-приемник”. Но выбрано было это занятие им, как ни странно, случайно.

— Отец у меня погиб в Великую Отечественную, и я, чтобы помочь маме, после семилетки поступил на курсы фотографов-ретушеров, — рассказывает Юрий Алексеевич. — Жили мы тогда в Баку, и занятия проходили в местном Доме автомобилей. Однажды там после собрания оставили включенным микрофон, я подошел и стал изображать косноязычное вокзальное объявление. Случайно мое “выступление” услышал директор дома и предложил сделать номер для самостоятельности. Так и втянулся. Научился имитировать шум прибоа, выстрелы, зверей всяких, пародировал известных куплетистов. Работал в Грозном, потом в Сухуми — конференции в “Зеленом джезде”. На одном из концертов в зале оказался Эдди Рознер и посоветовал: “Золотко, зачем пародировать, если так хорошо получаются звуки?” Ну и я послушался.

Но после армии, когда вернулся в Баку, пошел было работать в фотоафию. Отговорил Муслим Магомаев, с которым мы дружили. Стал выступать, и угораздило попасть в программу одного концерта в качестве представителя самостоятельности машиностроительного завода: мне за это двадцать пять рублей обещали. А на этом концерте присутствовал небезызвестный Семичастный, который был тогда вторым секретарем ЦК КПА, и тут же отправил меня “смешить” участников очередного съезда компартии Азербайджана. Так случилось, что на том концерте была и моя будущая жена, она уверяет, что в зале творилось что-то невероятное. После этого долго работал в ансамбле “Мы из Баку”, потом в оркестре Олега Лундстрема, в Москонцерте, а последние пять лет я — кустарь-одиночка: иду, куда позовут.

— И что в вашей профессии главное?

— Наверное, глотка не последнюю роль играет, на нее — основная нагрузка. Хотел, чтобы сын тоже стал

звукоимитатором, он года два поработал, жалуется: “Папа, очень больно!” Попробовал его уговорить, дескать, это пройдет года через два-три, но он ждать не стал. И то — на глотке вон мозоли! У меня тут как-то врач спросил: “Гланды вырезали?” Я: “Нет, стерлись”.

— Правда, что вы можете подражать всему на свете?

— Нет. Не могу изображать звон цепей и звук разбитого стекла.

— А есть любимые номера?

— Это моя “классика”: “радиоприемник”, “Анна Каренина” — как студента на экзамене заставляют содержание романа Толстого по-английски пересказывать, чтение газеты “в звуках”. И, конечно, диалог персонажей одной из песен Высоцкого — Вани и Зины, только не у телевизора, а ночью в постели, когда они обсуждают все на свете. Этот номер я обычно исполняю в полной темноте, и публика, судя по реакции, его особенно любит.

— 8 марта вы участвуете в праздничном концерте “Ты меня любишь?”, который состоится в Театре эстрады. Ясно, что зрительницы получают от вас в подарок улыбки. А что подарите в этот день жене?

— Так повелось, что подарки я ей привожу с гастролей — как-никак в шестидесяти странах уже побывал. И на 8 Марта остается одно — преподнести традиционные цветы.

— Самому профессия какие-то сюрпризы преподносит?

— Конечно. Особенно запомнился случай в Берлине. Был в гостях, вдруг дочка хозяев дома говорит: “Дядя Юра, а у меня ваша пластинка есть”. И показывает пластинку “Три мушкетера”, на которой написано: “Звукоимитатор Юрий Григорьев”. Я сначала не понял, в чем дело. Только потом вспомнил, что Максим Дунаевский попросил однажды “сделать” ему битву на шпагах, драку на рынке, стук кареты, лошадиный топот. А зачем — не сказал. Ну я и не спрашивал...